

Виктор Кукушкин

**Личное. Далекое. О
предках. Мои истории**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.6
ББК 84
К89

Кукушкин В. Ю.

Личное. Далекое. О предках. Мои истории / Кукушкин В.
Ю. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 58 с.

ISBN 978-5-532-98896-5

Воспоминания о том, что отошло, о чём уже можно и хочется
вспомнить. Документальные эссе о личном.

ISBN 978-5-532-98896-5

© Кукушкин В. Ю., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

О предках	4
Про родителей и про детство	15
Нашёл фотографию	25
О том, как я служил в армии	27
О том, как поймать крупную рыбу в глубинке России	35
Как я поступал в театральный институт	38
Чернобыль	51
Киево-Печерская Лавра в период подготовки к 1000-летию христианства на Руси	54
Вспомнил	57

О предках

22 июня 1941 года. Дед, наверное, работает на тракторе в поле, бабушка – с детьми или на огороде. Дед сначала был учителем, потом (стало модно) пересел на трактор. Бабушку вместе с семьей в 1929, в год «великого перелома» раскулачили и сослали на рудники Урала в район Перми. Восемнадцатилетней она таскала тележки с рудой, она потом об этом рассказывала. Дед вступил в комсомол, стал активистом и добился того, чтобы бабушку, его невесту, освободили из ссылки и вернули обратно. Правда дом семье бабушки не вернули. В доме сделали школу, туда потом ходили их дети.

22 июня 1941 бабушке с дедушкой уже по тридцать, у них четверо детей, все мальчики, младший – мой папа, ему годик. Не зря говорят, перед войной рождаются в основном мальчики.

Дед Кукушкин Никандр Григорьевич, пройдя небольшую переподготовку, пересел с трактора на танк и попал подо Ржев в печально известную 33 армию, в Вяземский котел (говорят, одна из страшных битв той войны) оттуда первая медаль «За оборону Москвы».

Второй дед Строганов Леонид Филиппович до войны живет в Риге, скорее всего, один из руководителей старообрядческой общины Латвии (по материалам съезда старообрядцев Латвии конца 20-х годов он в составе президиума). Когда в Ригу вошли немцы уехал в заволжские леса в деревню Богоявление, там 29 марта 1945 года и родилась моя мама Нина.

Такие разные судьбы. Дедушка Никандр прошел всю войну с 1941 по 1945 и вернулся домой с Победой! И дед Леонид, вернулся в Ригу, от его рижской семьи маме с бабушкой незадолго до моего рождения приходили письма – мы рады, что у нас есть русская сестра, приезжайте в Латвию, нам всё вернули, мы вам подарим дом. Бабушка Анна эти письма изорвала, возможно, была обида, не знаю.

Говорят, во время той войны по статистике солдаты погибали через несколько дней, младший комсостав – через несколько недель,

старшие командиры – спустя несколько месяцев. Дед был призван рядовым в первые дни войны, прошел от Москвы до Берлина, под командованием Жукова брал Берлин. После войны они с бабушкой родили и воспитали ещё шестерых, теперь больше рождались девочки. Всего у них родилось десять детей – Александр, Николай, Виктор, Юрий (мой папа), Тоня, Нина, Галя, Зоя, Василий, Владимир. Рождались через год. Во время войны была пауза, после войны родилась сразу двойня (одна из них, тетя Тоня, сейчас живет в Москве, другая, тетя Нина – на Украине, в Краматорске).

Подвыпив, дед под гармошку часто пел матерные частушки, а про войну говорил так: «справа танк, слева танк, а мой танк самым первым в Берлин зашёл!» И больше ничего про войну не рассказывал. Ездил на встречи с боевыми друзьями и хвалил маршала Жукова, говорил, что после войны он должен быть бы главой государства, что его армия и народ поддерживали, за что Жуков и попал в опалу. В качестве трофея дед привез из Германии набор открыток «Немецкие колонии». Теперь они хранятся у меня. Позже, когда я гулял по Берлину, приехав на кинофестиваль, думал – где-то здесь весной 45-го гулял мой дед!

У бабушки Клавы, папиной мамы, девичья фамилия Бабушкина. Уже писал, что почти всю их семью в 1929-м сослали на рудники Урала. Потом дети вернулись. Вслед за бабушкой из пермской ссылки в Семёнов вернулся её брат дедушка Костя. А бабушку Нюру, младшую сестру бабушки Клавы не повезли после раскулачивания на Урал, была слишком мала, боялись – погибнет. Её приютила одна из семей в деревне Хахалы. Позже бабушка Нюра вышла замуж за мальчика из той же семьи – Евлампия. Я заезжал с отцом к ним в гости. Красивые, добрые лица. Чистая светлая изба, герань на окнах. Вышитые подушки на кровати, заботливо уложенные одна на другую. Своими руками сотканые половики, занавески на окнах, вязанные крючком. Мясной суп из соленого мяса с картошкой, томленный в чугушке в русской печи. Резное крыльцо, резные наличники, крашенные синим. Валенки, сохнувшие на досках забора вместе с трехлитровыми банками и кринками. Всё что я запомнил

тогда. Детей у них не было. Кстати, что касается деревни Хахалы, по легенде названа она в честь разбойника из отряда Стеньки Разина, Хахаля, так его звали. Говорят, он заплыл с Волги до этой деревни на Керженце, чтобы спрятать награбленное, и что где-то в лесу в болоте в стороне от деревни до сих пор хранится клад Стеньки Разина. Стоит даже в том лесу сосна Стеньки Разина, местные старики указывали. В подтверждение истории о разбойниках близкие озёра носят название Ватага, Ватажка, Братки, Омут Большой, Омут Малый.

А нынче почудилось: конь, бездорожье,

бревенчатый дом на реку,

И нет ничего, и не сыщешь дорожке

такому, как я, – дураку... – это стихи поэта Бориса Корнилова. По мнению писателя Захара Прилепина, «бревенчатый дом на реку» – дом в деревне Хахалы. Туда, в эту деревню, ходил поэт пешком из Семёнова в начале двадцатых годов прошлого века для встреч со своей любимой девушкой. Тогда же, там же в Хахалах, жила моя бабушка Клава. Она была моложе девушки Бориса Тани Степениной на три года. Не исключено, что знала её, в деревне все знают друг друга. Может даже встречалась и с будущим автором «Песни о встречном», ставшей спустя десятилетие гимном 30-х годов. Конечно же, встречалась. Лето вся деревенская молодёжь проводила на берегу Керженца, наверняка, случалось общение с Борисом и Таней на речке. Могла ли бабушка тогда подумать, что этот паренек, который на три года её старше, станет вскоре первым поэтом большой страны и будет расстрелян, а бабушка переживет своего ровесника более чем на шесть десятилетий и заглянет аж в двадцать первый век? Возможно, бабушка даже не ассоциировала того мальчика с автором «Песни о встречном».

В деревне Хахалы до сих пор стоит дом, тоже «бревенчатый дом на реку», откуда выслали семью бабушки Клавы, до недавних пор в нём была школа и общежитие при школе для учеников из соседних деревень. Некоторые мои дяди и тети потом тоже учились в этой школе. Рассказывала ли им бабушка, что здание школы, где они учатся, некогда было домом её семьи? Тогда, наверное, нет, не рас-

сказывала, оберегала, но слухи, возможно, доходили. Каково было самой бабушке видеть родительский дом, куда она стала водить своих детей учиться? Хотя, наверное, благодарила бога за то, что выжила и вернулась. А могилка хозяина дома прадеда Матвея где-то далеко на Урале.

Вернувшись с Урала, бабушка некоторое время жила у тетки Августы в райцентре Семёнов, когда они с дедом Никандром поженились, переехала с мужем в соседнюю от Хахал деревню Заскочиху. Дом мужа оказался не меньше родительского (дом дедушке Ликаше перешёл по наследству от отца, моего значит прадеда, Николая Кукушкина) 11 комнат, множество икон, большая библиотека. Там и родился мой папа. Рядом в соседней деревне Лыково дом ещё одного отца деда, Григория Чечулина. Несколько слов о нем.

Вообще-то у дедушки Никандра, можно сказать, два отца, а у меня по линии деда, получается, два прадеда. Как такое могло случиться? У одного прадеда Николая Васильевича Кукушкина не было детей. Он был лесопромышленник, жил в деревнях Лыково и Заскочиха. Скорее всего он и основал Заскочиху, как заимку, где рубили лес, выстроил там самый большой дом, благо лес под рукой. Слышал про него такую историю. Когда у одного мужика в деревне умерла лошадь, а без лошади семье в лесном краю никак, прадед купил мужику лошадь. Сказал, деньги возвращать не надо, но зимой поработаешь у меня на заимке на своей лошади. Так вот, у Николая Васильевича не было детей. В соседях жила многодетная семья Яшиных. 10 детей. Николай Кукушкин взял у них дочку-Onисью, и воспитало как свою. Воспитал и подыскал мужа, выдал замуж тоже за лесопромышленника. У знакомого лесопромышленника Чечулина из Сибири сына сосватал. Привезли-Onисье мужа из Сибири на Керженец. И поставил им прадед одно условие, когда родится первенец, отдать на воспитание первенца ему в дом, чтобы тот получил его фамилию и наследство. Родился мой дед Никандр (дедушка Ликаша, как я его звал в детстве). У того все братья родные остались Чечулины, а он стал Кукушкин. Я долго потом не мог понять почему так, потом объяснили.

У прадеда была большая библиотека, множество икон, фарфор. Жаль, ничего из того наследства не сохранилось. Война, потом революция, потом новая война. Потом, когда все дети разъехались по большой стране и создали свои семьи, дом разобрали по бревнам и отдали, перевезли в районный город Семёнов, там восстановили. Где-то и сейчас стоит.

Чечуля по Далю – большой ломоть хлеба или пирога. Прозвище давали крупным здоровым людям. В некоторых говорах наоборот такое прозвище давали изнеженным детям. Фамилия распространена по стране. Архитектор Чечулин, например, был главным архитектором Москвы, автором некоторых станций метро, соавтором сталинских высоток.

Лыково деревня знатная, на высоком берегу Керженца. Отсюда предки отца сплавляли лес к устью Керженца, к Макарьевскому монастырю, где проходила самая крупная ярмарка в России, карман России – так ещё её называли. Ещё по поводу деревни Лыково: корреспондент «Комсомольской правды» В. Песков нашел семью кержаков старообрядцев Лыковых в дальней Сибири. Об этом в советское время много писали. Писали, что они сознательно ушли от цивилизации, и что предки их из этой деревни Лыково, что стоит на Керженце в Семеновском районе Нижегородской области.

Редко где сейчас, распахивая поля, обнаруживают не снаряды и мины, а старинные монеты, кресты и иконы. На Керженце так.

Во время войны в семье отца случилась страшная трагедия. Когда бабушка ушла в поле за коровой (а корова была кормилицей для четверых маленьких сыновей), один сын Витя умер от осложнения аппендицита. Его все очень любили, это была страшная трагедия, не знаю, как уж потом бабушка сообщила мужу на фронт о случившемся. Когда старший сын дядя Саша вырос и создал семью первенца он назвал Виктор в честь умершего во время войны брата. И тот тоже умер. Могилка его с маленьким крестиком на кладбище в Лыково на высоком берегу Керженца. Кто-то, не в семье, деревенские, сказали, что это какое-то проклятие и в нашей семье больше

никого нельзя так называть. Папа не послушал и тоже назвал меня Виктором. Потом Виктором, похоже, не назвали никого.

Мне не было года. Родители жили в подвале, своего жилья у них ещё не было, маме девятнадцать, папе двадцать четыре. В подвале сыро. Как-то отец зашёл видит, я почернел и задыхаюсь. Молодой папа схватил меня и побежал в больницу за помощью. Врач Архангельский сказал «мужик растёт, надо спасать, быстро в операционную». Резали много, гланды, полипы, спасли. Я ничего не помню, мне было меньше года. Потом уже старше, помню, ходил к врачам, всё продолжали вырезать.

После того случая меня отвезли к бабушке Анне по маминей линии в деревню Богоявление, где и прошло моё детство. Да была в СССР деревня с таким названием – Богоявление. На реке Керженец, за Волгой. И сейчас есть. Когда её хотели переименовать, жители вышли на защиту. Правда, церковь превратили в клуб, потому село и стало деревней. Вместо алтаря повесили экран и начали крутить фильмы, большое советское кино. До школы я ходил в этот клуб, смотрел почти все фильмы.

Когда стал себя осознавать, со стороны деревенских до меня доносилось, «латыш», это, стало быть, моя кличка. Так в три года я узнал про кличку. Латышский, латинский – это, наверное, какие-то общие синонимы, латынь – что-то несуществующее – проносилось в моём детском мозгу. Не понимал, почему меня так называют, ни у кого не спрашивал и даже не хотел. Посчитал, что загадка идет из прошлого, ещё до моего рождения. Мир ведь существовал и ранее, да и настоящее ещё было чуть видно, не было даже воспоминаний.

В Богоявлении стал узнавать родственников по маминей линии. Бабушка Анна Сулоева, она меня воспитывала первые семь лет, её сестра бабушка Лёса, братья дедушка Роман и дедушка Саша.

Дед Роман Сулоев, старший брат бабушки Анны, в юности, поговаривали, был активистом новой власти, раскулачивал чуть ли не будущих родственников из далёких деревень, отбирал зерно и скот.

Видел деда Романа всего раз. В старой избе на пригорке рядом с церковью (тогда ещё клубом). Раз он был старшим ребёнком, значит, изба досталась от родителей. Покосившееся никогда не крашеное крыльцо. Суровый бородатый сухощавый старик за печкой, такая же суровая худая жена. Мама вошла в избу вместе со мной, выставила меня перед собой, представила деду Роману нового родственника. Не помню, чтоб нас пригласили в дом. Везде сурово и аскетично, даже б сказал, бедно. Детей у него не было. Когда он умер, узнали, что он очень богат. Что-то досталось и нам на память. Мне радиола, где я проигрывал пластинки и слушал радио «Свобода», вещавшее из Америки на Советский Союз, это радио тогда глушили, потому интересно было слушать.

Дедушка Саша, брат деда Романа, жил ниже по улице в соседнем доме и не походил на брата, можно сказать, был его противоположностью. Прислали недавно его фотографию, где он в возрасте, лысый, с орлиным носом, в костюме стоит в центре группы на какой-то партконференции. За давностью лет уже с трудом вспомнил его лицо, сначала подсказали, потом вспомнил. Бабушка у семьи деда Саши брала для меня молоко. Когда я стал старше, сам стал ходить к ним за молоком. Дедушка Саша часто сидел у печи с самокруткой. Приглашал меня сесть рядом, крутил мне такую же, но пустую самокрутку, начинал разговоры. Помню, когда хоронили их старшую сестру бабушку Лёсу из соседней деревни Елисеево, видел сына дяди Саши. Тот тоже приехал тетку хоронить. Приехал на статурной «Волге» с водителем. Лицо открытое. Сказал, что работает директором на каком-то заводе в Горьком, я ответил, что учусь в театральном институте. Так мы впервые познакомились и больше никогда не виделись.

Я уже рассказывал про этимологию фамилии Чечулин, что носили мои предки по папиной линии. Теперь про фамилию Сулоев. В деревне «сулоем» называли кисельный раствор. Такая сладкая вода рядом с дрожащим киселем. Маленьким, я его любил пить, сам кисель не любил. Его готовили раз в год специально на христианский праздник. А вот что написано в Интернете: «Сулоем называли человека, охочего до сулоя, гущееда. Это прозвище особенно было